

Настоящее имя Анастасия Цуккрова, родилась в 1990 году. Выросла и живу в Москве. По образованию актриса и театраль-ный режиссер, в качестве хобби десять лет занимаюсь академическим вокалом. Стихи пишу с пяти лет, но действительно серьезно занялась этим только с 2007 года. Была номинирована на премию "Поэт года 2014", победила в нескольких небольших поэтических конкурсах. Свои стихи всегда позиционирую, как рифмованные сказки, а себя хочется считать именно сказочницей, а не поэтессой.

ПЕКАРНЯ ЛИЗ

У Лиз бесцветно-сухие кудри, размер одежды, наверно, сотый.
И руки вечно в муке и пудре — с восхода солнца кипит работа.
Открыты настежь резные двери, наполнен запахом спящий город.
Пекарня Лиз на тенистом сквере. У Лиз цветастый подол и ворот,

Веснушек рой на лице курносом, румянец щедро раскрасил щёки. Каким ещё удивишь вопросом о нашем сказочном хлебопёке? К ней ходят старые, ходят дети. К ней едут люди с любых окраин. Пухляшке Лиз — лишь одной на свете! —

такой бесценный талант подарен.

У нашей Лиз золотые руки. В любом рогалике, в хлебном море Есть средство против тоски и скуки, живёт лекарство от всякой хвори. Когда гроза прервала прогулку, ушла любовь, повредил колено - Купи у Лиззи простую булку и боль отпустит тебя из плена. У Лиз смешные большие уши и голос слишком уж басовитый, Но Лиз латает больные души. Лиз с каждым ласкова и открыта. Важнее внешности добродетель. Пусть тонки губы, пухлы запястья,

Но знают взрослые, верят дети:
в пекарне Лиз выпекают счастье.

Когда дорога уводит в гору - спешి скорей собирать тряпье и покидай комнатку-нору первой, чем сонное воронье зашевелится в корзинках-гнездах, откроет заспанные глаза. Чем шире шаг - тем прозрачней воздух. Тропинка тянется, как лоза, петляет между лесов, оврагов, искристой змейкой взмывает ввысь, и от её озорных зигзагов прекрасней кажется эта жизнь. Танцуют листья в порывах ветра, сияет алым небесный край, тебя судьба одарила щедро: дала прочувствовать этот рай, раскрыть объятия навстречу свету, забыв о старом родном крыльце и принести поцелуи лета домой веснушками на лице. Рассвет дурманит своей прохладой, искрится капельками росы и в мире нет никакой награды бесценней матовой бирюзы, что обернулась бездонным небом, покрытым гребнями облаков. Решешь поведать про эту небыль - запнёшься и не находишь слов, чтоб описать трепет нежных крыльев, незримо выросших за спиной. Дорога вьется, шумит ковыль и ослепительной рыжиной рисует солнце на тёплой коже свою искусно-простую вязь. В пути легко. Ничего не гложет. А на браслетах твоих, дробясь, танцуют зайчики - блики света - и разбегаются кто куда.

Пожалуй, только такое лето не забывается никогда.

О ДРАКОНАХ И РЫЦАРЯХ

Ты рос послушным. Играл, улыбался старшим.
Ты знать не знал ни драконов, ни старых башен.
Только беда: уродился сыном монаршим.
А, значит, ноги в стремя. Спасай. Скачи.

И наплевать бы с высокой на ту девицу,
Пусть она дальше в каморке своей томится.
Надо же было - родиться наследным принцем!
... в кузне уже натачивают мечи.

Что не сидится спокойно вам, бабы-бабы!
К башням таким дорога - одни ухабы.
Лучше по-русски, жила бы в обличье жабы
И по ночам готовила калачи.

—

Ты вырос крупным на радость себе и старшим.
Ты знать не знал ни принцесс, ни каких-то башен..
И что от тебя надо этой дурынде страшной?
Пальцем грозит: - Ты обязан! Хватай, тащи!

И наплевать бы, да крыльями отмахнуться.
Пусть себе братья и сестры потом смеются!
Что ж так насела... Кричит. И глаза, как блюдца.
И ты сдаешься: - Только не верещи.

Ты ищешь башню, сидишь и сидишь на стрёме.
Вот угораздил попасться дурной кулёме!
Лежал бы себе в пещере в блаженной дреме...
А не считал бы от скуки её прыщи.

—

Рыцарь с драконом сойдутся в финальной схватке,
Да на принцесс ни один, ни другой не падки.
Как их любить? Лишь претензии и припадки,
Чуть что не так - "еду к маме!". Ищи-свищи.

Плунут. Обнимутся. Станут болтать о вечном.
Дружба любого делает человечным.
Что до принцессы - найдёт дурака на печке,
Чтобы всю жизнь варить для него борщи.

Когда явился демон, я был пьян
И ослеплён лохмотьями тумана
В его крылах. И каждый мой изъяз
Разверзнулся объятями капкана.

Он отодвинул старый табурет,
(Кривые ножки тяжело скрипели),
и молвил тихим голосом: - Привет.
Я думал, что найду тебя в постели,

Смотрящим сны, целующим жену.
А ты сидишь. Негоже, право дело!
И тащишь крепкой выпивкой ко дну
Своё, давно измученное, тело.

Рокочет гром, но опустевший дом
Не наполняют детские испуги.
Ты быть хотел и мужем, и отцом. -
(кривит бровей очерченные дуги).

- Что не сложилось? Разве не любил?
Хватало денег закружить, добиться? -
(Перебирает старенький винил,
Берёт пластинку - "Маленького принца");).

Скользит по тонким полосам игла,
Большую кухню наполняют звуки.
- Когда есть целый мир и два крыла,
Зачем вам, людям, занятые руки?

Рокочет гром и тикают часы,
Мы слушаем про ящики, барашков...
И кажется, что спит и видит сны
О нас седая девятиэтажка.

И в эту городскую злую ночь
Я перед ним спускаюсь на колени
И умоляю сжалиться, помочь,
В обмен на душу выдать избавленье!

Он тяжело вздыхает и в тиши
Рассветной тают сны и обещанья.
- Так ты не знаешь? Нет твоей души.
Погребена под пылью и вещами,

Года назад распродана за то,
Что затмевает путеводность знаков.
Твоя душа - пустое решето.

Он вышел прочь. Ушел. И я заплакал.

* * *

Кто-то умел от рождения быть крылатым:
Перья росли через кожу, одежду, латы,
Небо затмив, разверзалась упруго сила,
Звезды манили, мол, где же тебя носило?

Ты же - прозрачный кокон. Ни то, ни это.
Не надломиться, не встать, не увидеть света.
Вечно беспомощный, еле живой придаток
Боли, взрезающей гребни твоих лопаток.

Кто-то умел. Кто-то верил и рвался в битву...
Ты - только горечью травишь одну молитву.

Что тебе толку от крыльев, когда не можешь
Вылупиться из своей человеческой кожи?